

* 3 ДЕК 1970

Ургенч Газета № . . .

ЧУДЕСНЫЙ ТАЛАНТ

Днем областной театр тоже полон жизни. Из одного окна слышится пение, из другого — голоса артистов, репетирующих спектакль, из третьего — звук настраиваемых музыкальных инструментов. Откуда-то издали доносится стук молотка, какой-то скрежет. Это на сцене, которая днем становится владением режиссера-постановщика, художника-декоратора и их подручных.

Целый день не смолкает рабочий шум. А вечером приветливо распахнутся двери театра перед зрителями. Поднимется занавес и присутствующие перенесутся в век Шекспира или Мольера, очутятся в богатом байском доме или станут свидетелями торжественной минуты, когда в полыхающий костер женщина-узбечка бросит палачу.

Два часа идет пьеса. Несколько раз меняются декорации. Зритель ни разу не усомнится, что перед ним замок или роща, городская площадь или берег моря. Заслуга в этом — художника-декоратора Лолы Абдуллаевой. Работает она в Хорезме с 1947 года.

— Каков ваш путь в искусство? — с таким вопросом наш корреспондент обратился к Лоле Абдуллаевой.

— Мать моя — Дурне-ханум была первой узбекской актрисой. И хотя наш отец и его родители запрещали ей работать в театре, она не отказалась от своего призвания. Дедушка и бабушка строго следили, чтобы мы, дети, не пошли по ее стопам. В моем увлечении рисованием они, правда, не видели ничего опасного. Но когда я окончила школу —

запретили даже и думать о театре. Я поступила в Ташкентское художественное училище. Домашние задания выполняла либо в художественной мастерской, либо у подруг, уверив стариков, что учусь в педагогическом техникуме. И вот позади годы учебы. Вместе с мужем работала вначале в Алмаатинском, потом во Фрунзенском театрах — макетчицей. Мечтала стать художни-

цей. И ни слова о трудных условиях, ни единой жалобы на неотапливаемое помещение. Да я и не заметила всего этого. Загорелась. Помнится очень быстро нарисовала задник — море. До спектакля картина не высохла, а замерзла от мороза. Когда же зал согрелся от дыхания сотен зрителей, море ожило — краска растаяла и потекла. У меня слезы градом полились. Потом-то приспособилась и подобных казусов больше не случалось. Ну а сейчас театр отапливается, созданы нормальные условия для работы.

— Лолы Абдуллаева, что Вам больше всего нравится в работе художника-декоратора?

— Постоянный творческий рост. В год мы готовим 6—7 постановок. Мне, как художнику-декоратору, нужно заботиться не только о декорациях, но и об одежде, обуви. Для того, чтобы нарисовать эскизы, приходится перечитывать буквально горы литературы. И только после утверждения эскизов, макетов художественным советом, я приступаю к составлению сметы на реквизит.

Конечно, невозможно рассказать в коротком интервью о жизни, богатой событиями, художника-декоратора Лолы Абдуллаевой — заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР. Звание это ей присвоено в 1964 году.

Беседа окончена. Лолы Абдуллаева возвращается к холсту. Взяла кисть и отрешилась от окружающего. Не слышит дневного шума театра. Лампа освещает профиль прекрасного вдохновенного лица.

Интервью вела Л. ДОЛИНА.

ВETERАНЫ ТРУДА

ком-декоратором. В 1942 году умер мой муж и я вместе с сыном вернулась в Ташкент. Поступила в музей искусств научным работником, вела карточку Советского отдела. Но не могла забыть театра. Когда в 1947 году мне предложили поехать в Ургенч (в областной театр требовался художник-декоратор) я долго думала, сомневалась. Уговорил главный бухгалтер театра А. Юлманов, приехавший по делам в Ташкент. Так я оказалась в Ургенче.

— Чем запомнились Вам первые годы работы в Хорезме?

— Энтузиазмом. Коллектив был молодежным и дружным. Помню как пала я духом, когда увидела захолустный городишко с единственной мощенной улицей. Но товарищи окружили заботой, нашли квартиру и сразу потащили в театр, на ходу рассказывая о новых спектаклях, которые хотят поставить, о том, какие, на их взгляд, нужны декора-